

о смерти отца, Александр, старший сын и наследник, гостивший у своего шурина — Валахского (Молдавского) господаря Стефана, поспешил в Крым. Высадившись, как предполагают, в Ласпи и умертвив захватившего престол брата, он на третий день при помощи трехсотенного отряда валахов, прибывших с ним, вступил во владение отцовским наследством. Это произошло накануне осады Кафы.

В июле 1475 г. турецкая армия подошла к Мангупу, но встретила отчаянное сопротивление его защитников. Выдержав пять штурмов, Мангуп пал только в декабре. Его защитники, изнуренные голодом, сложили оружие. Город был разграблен. Многие из уцелевших жителей были уведены вместе со всей княжеской семьей в рабство.

Однако жизнь на Мангупе угасла не сразу: он сделался на долгое время главной цитаделью турок, резиденцией паши, ведавшего большим кадылыком (округом), оставленным турками за собой. В старом замке, капитально перестроенном, стоял до XVIII в. турецкий гарнизон. Затем крепостью недолгое время владели татары, а после присоединения Крыма к России Мангуп за ненадобностью окончательно пустеет.

ОТ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ДО ТМУТАРАКАНСКОГО КНЯЖЕСТВА

Восточный Крым в V—XII вв.

раннесредневековая история восточного Крыма изучена еще недостаточно. Письменных источников уцелело мало, а археологические работы только начаты.

Основным памятником раннего средневековья для Керченского полуострова, оказавшегося в первых веках нашей эры едва ли не главной на Крымском полуострове ареной бурных исторических событий, является бывший Пантикапей, на месте которого стоит современная Керчь.

Как известно, Боспорское царство в конце IV в. было разгромлено гуннами. Однако жизнь на его территории не прекратилась. Столица царства — Пантикапей — подверглась сильному разрушению, но быстро ожила и под названием Боспор в V—VI вв. стала довольно значительным торгово-ремесленным городом, центром Боспор-

ской епархии. Необходимо отметить, что христианство распространилось на Боспоре, по-видимому, с IV в., но главным образом среди социальных верхов. К этому времени относится большинство из наиболее ранних найденных здесь христианских надгробий и склепов с росписью, включающей христианскую религиозную символику — кресты, монограммы Христа, изображения голубей, павлинов, виноградных лоз и чаш.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ БОСПОР

После гуннского нашествия город занимает лишь прибрежную часть античного Пантикапея. Прежний центр — акрополь Пантикапея на горе Митридат — становится христианским могильником. Уцелевшее сармато-аланское и греческое население бывшего Боспорского царства расселяется в близлежащих от города старых поселениях. Поселения эти благодаря торговле с кочевниками и, вероятно, со славянскими племенами Приднепровья начинают вновь развиваться как ремесленные и торговые пункты. Через Боспор в Константинополь идут дорожие меха и другие товары, искони поступающие с севера и северо-востока по древним караванным путям.

Господство гуннов тяжело отразилось на земледельческом населении Керченского полуострова. Многие поселения, покинутые жителями, были разграблены и разрушены.

Византия, для которой Боспор представлял интерес как важный стратегический и торговый пункт, стремилась подчинить город своему влиянию, и в начале VI в. Боспор признал политическую зависимость от Византийской империи. «Боспоритяне в давности были автономны, но недавно подчинились царю Юстину», — указывает Прокопий Кесарийский.

Сперва Византия пыталась осуществить свои планы через гуннских правителей. Но это оказалось ненадежным. Так, при императоре Юстиниане I один гуннский царевич из племени, кочевавшего около Боспора, принял в Константинополе христианство и стал служить византийцам. Когда этот ставленник империи начал переплавлять на монету золотых и серебряных идолов, возмущенные соплеменники убили его, перебили византийский гарнизон и захватили Боспор.

Для овладения Боспором Юстиниану I пришлось снарядить военную экспедицию. Город был взят и включен в состав Византийской империи, на жителей Боспора, занимавшихся главным образом мореходством, была наложена натуральная морская повинность. Они должны были поставлять Византии суда, их оснастку и другое морское снаряжение.

Боспор был превращен Юстинианом в сильную крепость.

В окрестностях Керчи — на окраине поселка Аршинцево, где ведутся раскопки античной Тиритаки, — можно осмотреть остатки средневекового поселения и базилики V—VI вв. Поселения VIII—IX вв. оставили свои следы на местах ряда античных городов и поселений Керченского полуострова: например, возле с. Ивановки (20 км к западу от Керчи), где находился древний Илурат; близ с. Героевского (на мысу Эльтиген); у с. Мысовое на берегу Азовского моря.

С целью закрепления своего политического и идеологического господства Византия упорно насаждает среди покоренных язычников христианство. Языческая религия, требуя в основном формального соблюдения внешних обрядов, оставляла известнейший простор для мысли, тогда как христианство духовно закабаляло человека — требовало безоговорочного признания религиозных догм, слепой веры в божественность императорской власти и беспрекословного выполнения воли императора. В городах Боспора — Тиритаке и других менее значительных местах — строятся базилики. Своей монументальностью и роскошью, своим «благолепием» они должны были укреплять веру новообращенных христиан и воздействовать на сознание тех, которые еще не приняли новую веру.

Архитектурные детали для украшения храмов — мраморные колонны, капители и т. д. — в готовом виде привозились из-за моря. Например, мраморные капители и колонны трехнефной базилики в Тиритаке были доставлены сюда из каменолен острова Проконнеса.

Еще в IV в. ремесленники Боспора изготавливали многочисленные украшения (в основном из серебра и бронзы), своеобразные по стилю¹ и богато отделанные позолотой, вставными полудрагоценными камнями или цветными стеклами: фибулы (застежки для плащей), пряжки и т. д. После гуннского разгрома ремесла Боспора пришли в упадок, но производство ювелирных изделий — более упрощенных, без драгоценных инкрустаций, главным образом литых пальчатых бронзовых фибул — продолжалось в других местах восточной Таврики. В VI—VII вв. эти украшения были широко распространены среди славянских племен Приднепровья, что свидетельствует о тесных и разнообразных связях южной Руси с восточным Крымом уже в то время.

В середине VI в. в районе Алтайских гор и в степях Семиречья образовался союз кочевых племен, говоривших на тюркских языках — Тюркский каганат, который вскоре распался на две части — западную и восточную. Западные тюрки вторглись в Среднюю Азию, и, продвигаясь на запад, распространили свою власть до Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья. В 576 г. они перешли

¹ О так называемом «готском стиле», одним из очагов которого был Боспор, см. в первом очерке данной книги.

Керченский пролив, осадили и взяли Боспор, но через некоторое время отступили из-за внутренних раздоров.

В 590 г. Византия восстанавливает свою власть в Боспоре.

ЕЩЕ РАЗ О ХАЗАРАХ

В VII в. новый удар по городам и поселениям восточного Крыма, ожившим было после гуннского опустошения, нанесло хазарское нашествие. Очень пострадал, но все же уцелел Боспор. Почти прекратились прежде оживленные сношения городов Таврики с районами Приднепровья и Приазовья. Все это сильно сократило ремесленное производство и торговлю и привело к экономическому упадку восточного Крыма.

На рубеже VII—VIII вв., при императоре Юстиниане II, Хазарский каганат, как известно, вел борьбу с Византией за Крым. Но вскоре между хазарами и Византией устанавливается союз; они объединяются против арабов. Поэтому Византия, несмотря на захват хазарами ее владений в Крыму, установила и поддерживала с ними в VIII—IX вв. мирные отношения. Для того, чтобы подчинить их своим интересам, Византийская империя и арабский халифат пытались навязать хазарам свои религии — христианство и мусульманство. Но хазарская правящая знать, стремясь к независимости, предпочла иудейство, переняв его от евреев, появившихся в это время в восточном Крыму и на Кавказе. Однако основная масса хазар-кочевников по-прежнему исповедовала идолопоклонство, а среди оседлого хазарского населения городов появилось немало христиан и мусульман.

Коренное хазарское население в подвластных хазарам городах восточного Крыма пользовалось самоуправлением, поддерживая независимые торговые и церковные связи с Византийской империей. Именно в это время Сурож, сильно укрепленный и богатый город, приобретает значение важного религиозного центра. Так, в VIII в. епископ Стефан Сурожский возглавил на востоке Крыма движение против иконоборчества. Сурож, как и другие города Таврики, служил убежищем для иконопочитателей, преследуемых в византийских владениях. Это может рассматриваться как свидетельство его политической независимости от Византии.

Вторжение мадьяр на территорию западных областей Хазарии на рубеже VIII—IX вв. и угроза со стороны древнерусского государства принуждает хазар укреплять свою оборону. В 834 г. они с помощью Византии, заинтересованной в их борьбе против Руси, строят на Дону, на своей северной границе (в районе нынешнего Цимлянского водохранилища), крепость Саркел. В это время власть хазар в Крыму носит уже номинальный характер. Византия, занятая тяжелой борьбой с арабами и болгарами, также утрачивает здесь свое влияние. В Северном Причерноморье до конца IX в. наступает затишье.

ПОСЕЛЕНИЯ VIII—IX ВВ.

Благоприятная обстановка VIII—IX вв. способствовала оживлению экономической и культурной жизни в прибрежной полосе восточного Крыма. Поблизости от Боспора, на развалинах античных городов Тиритаки, Илурата, Мирмекия, Киммерика вновь возникают поселения, изучение которых в последние годы разворачивается все шире и шире. Все эти памятники раннесредневековой истории восточного Крыма имеют важное научное значение и представляют несомненный интерес для туристов.

На побережье юго-восточного Крыма открыты такие средневековые поселения и укрепления, многие из которых выросли на местах античных селищ и городищ. Поселения VIII—IX вв. — около с. Мелового на р. Зуе, а также на берегах Салгира — свидетельствуют о том, что оживление затронуло центральные и предгорные районы полуострова.

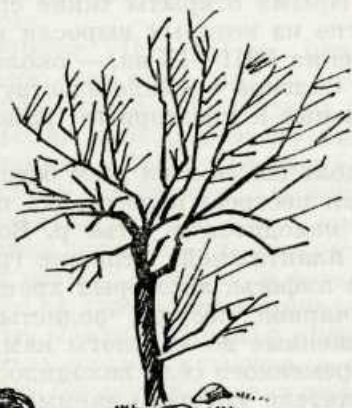
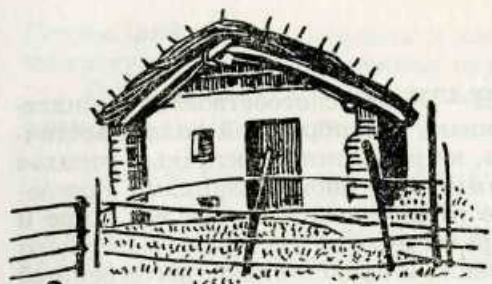
Между Алуштой и Судаком вдоль шоссе и на всем берегу можно встретить следы, а иногда и остатки построек целого ряда поселений указанного времени. Одно из них находится в устье р. Ворон близ с. Морское (б. Капсихор), где при плантажной вспашке грунта под новые виноградники были открыты пифосы, в которых хранилось вино. Многочисленные обломки гончарной посуды, солистый грунт, местами обломки печины и обожженные до красноты камни свидетельствуют о том, что на месте современного села находилось средневековое приморское поселение, обитатели которого занимались рыболовством и виноделием. Об этом говорят находки, добытые в земле или поднятые со дна моря современными рыбаками: средневековые амфоры, рыболовные крючки и грузила, обломки железных якорей.

Другое поселение того же времени находилось у подножия Чобан-Куле, большого укрепления, впоследствии превращенного генуэзскими сеньорами Гуаско в свое феодальное гнездо. По берегам ручья, впадающего здесь в море, археологи раскопали три гончарные печи (а всего их более 20), в которых обжигались глиняные амфоры. Печи хорошо сохранились.

Подобные же поселения были открыты и в других местах побережья — на холмах выше с. Приветное, у дороги на Белогорск, в Канакской балке (ближе к Алуште).

Посещение подобных памятников придает особую привлекательность путешествию по этим местам, где современное оживленное шоссе и виноградники, здравницы и дома отдыха, утопающие в зелени среди голых скал и выжженных зноем рыжих холмов, так удачно сочетаются с древностью.

Все раннесредневековые прибрежные поселения восточного Крыма были связаны между собой общностью материальной культуры.

В частности, одинаковы их жилые дома, глиняная посуда и другая утварь; погребение мертвых совершалось здесь по одному христианскому обряду.

Прямоугольные, обычно двухкомнатные жилые дома занимали по 30—40 кв. м и сооружались на каменных основаниях. Стены, часто сложенные «в елку», были каменными или сырцовыми. Помещения отапливались большими печами, похожими по своему устройству на печи в домах Восточного Средиземноморья позднеантичного времени. Дома часто покрывались плоской черепицей, реже — глиной, смешанной с соломой. Полы были глинобитные. К жилым зданиям примыкали хозяйственные постройки. В них при раскопках неоднократно встречались вкопанные в землю пифосы разной величины.

Население занималось ремеслом, торговлей, земледелием, побочно разводило крупный и мелкий рогатый скот. Свиной и лошадей было немного.

Трудно сказать, какими культурами засеивались поля, так как раскопки поселений восточного Крыма почти не производились. Однако обнаруженные почти в каждом исследованном доме каменные жернова указывают на преобладание зерновых культур.

Среди поселений восточного Крыма VIII — первой половины X в. выделяется, как по размерам, так и по выгодному географическому местоположению приморское поселение на холме

Тепсень в пос. Планерском (б. Коктебель). Занимало оно 20 га, но крепостных стен, по-видимому, не имело. Это по существу был город; в его порту подводными исследованиями обнаружены остатки мола, защищавшего гавань от штормов и сложенного из больших андезитовых камней. В поселении было пять христианских храмов, среди них один из самых крупных средневековых храмов Крыма (размером 37,5 на 21 м). По-видимому, в VIII—X вв. здесь находился один из религиозных центров восточного Крыма.

Поселение в пос. Планерском получило широкую известность в археологической литературе. Здесь на ул. Айвазовского оставлены незасыпанными (для экскурсионного осмотра) остатки двух больших домов VIII—IX вв., а также могилы, обложенные каменными плитами, и надгробные памятники.

К югу от пос. Планерского, на мысе Мальчин, тоже есть остатки средневекового поселения. Прослеживаются основания жилищ, встречаются многочисленные обломки гончарной посуды того же времени, что и на Тепсене. Вокруг Тепсени обнаружен и целый ряд других мелких поселений.

Города и поселения восточного Крыма испытывали большую потребность в торговой и домашней таре и различной посуде. Это вызвало рост, а иногда и специализацию гончарного дела. Так, в мастерских, обнаруженных у с. Мелового, было широко поставлено производство амфор. Здесь открыто несколько больших печей, только в одной из них можно было одновременно обжигать более полутора ста таких сосудов. С товарами они попадали на Дон и Донец, в земли, занятые славянами; расходились они и по берегам Крыма.

Большое количество местных гончарных изделий — пифосов, круглодонных амфор, плоскодонных высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, выючных фляг — обнаружено на Тепсене и в окружающих его поселениях. Столовая посуда представлена здесь небольшими горшками и одноручными кувшинами типа ойнохой с фигурно изогнутым венчиком, а кухонная — широкими плоскодонными горшками. Каждый сосуд обычно украшался гребенчатым волнистым орнаментом. Лепные сосуды встречаются редко. Найдены обломки стеклянных тонкостенных бокалов на круглых ножках. Эти бокалы по своей форме близки к позднеантичным стеклянным бокалам Пантикапея.

По всей вероятности, стекло вырабатывали здесь (обнаружено большое количество стекольного шлага). Существовало тут и ювелирное производство. В большом поселении на холме Тепсень найдены литейные формы для отливки различных бронзовых вещей: поясных блях, серег и украшений конской сбруи.

Вопрос о культуре и этническом составе населения восточного Крыма VIII—X вв. пока остается открытым. Некоторые исследова-

тели, сопоставляя формы отдельных видов посуды, главным образом кухонных горшков и глазурованных сосудов, относят поселения восточного Крыма к так называемой салтовской культуре, широко распространенной в VII—IX вв. на Дону, Донце и в Приазовье. Действительно, элементы этой культуры в восточном Крыму встречаются. Однако в могильниках восточнокрымских поселений нет характерных салтовских погребений — сводчатых подземных камер и узких грунтовых ям с характерным для этой культуры инвентарем. Не встречено в Крыму и салтовских прямоугольных домов-полуземлянок со

столбовой конструкцией кровли или круглых временных юртообразных жилищ. Другие исследователи всю найденную в восточном Крыму посуду с линейным и волнистым орнаментом относят к славянской керамике, хотя и в этом случае типологическое сходство лишь одного вида керамики не доказывает культурного, а тем более этнического тождества.

Если рассматривать материальную культуру поселений восточного Крыма не в отдельных вещах, а в комплексе, можно прийти к выводу, что она была создана скорее всего местным сарматизованным населением, которое осталось после гибели Боспорского царства. В IV в. (во время нашествия гуннов) жизнь большинства поселений

восточного Крыма временно прекратилась. Уцелевшее население, как и всюду, бежало в горы, главным образом на юго-восточное побережье между Феодосией и Алуштой. Здесь, по-видимому, и продолжалось дальнейшее развитие материальной культуры позднеантичного населения Боспора.

В конце VII в., когда натиск кочевников прекратился и в степях наступило затишье, это население, вынужденное длительное время тесниться на ограниченной территории, снова расселилось вдоль приморской полосы восточного Крыма. Вот почему в материальной культуре поселений этого времени можно проследить строительные традиции поздней античности. В отличие от жилищ так называемого салтово-маяцкого типа раннесредневековые жилые дома восточного Крыма по своей планировке и строительным приемам близки к жилым домам античных городов. Как и в античное время входные двери делались на фасадах, обращенных к югу или востоку. Продолжает существовать обычай несколько углублять полы в землю (он появился на Керченском полуострове в VI—V вв. до н. э.) Кроме того, сооружаются и прямоугольные дома на низких каменных основаниях с сырцовыми или каменными стенами, сложенными «в елку», с соломенными или глиняными крышами и печами позднеантичного типа. Такие жилища обнаружены на степных территориях бывших античных колоний Боспора и поблизости от них. Об античных ремесленных традициях свидетельствует развитое гончарное производство и сама керамика — пифосы, амфоры, кувшины типа ойнохой. Их продолжает и ювелирное производство, с давних пор процветавшее на Боспоре.

Таким образом, в Крыму в VIII—IX вв. перед нами предстает не салтовская культура в собственном смысле слова, а лишь свидетельство теснейших связей населения восточного Крыма с носителями салтовской культуры.

В прибрежных поселениях восточного Крыма во время раскопок

обнаружены христианские плиточные погребения без инвентаря. Поэтому трудно определить этнический состав населения, так как плиточные могилы имеются не только в Крыму, но и на Кавказе и в других местах. А до принятия христианства на территориях, где были распространены плиточные погребения, жили разные племена.

По арабским письменным источникам, в VIII—IX вв., у славян складываются крупные политические объединения: Куявия (Киевская земля), Славия (Новгородская земля) и Артания (по-видимому, в Причерноморье и Приазовье). С этого времени начинаются походы славян-русов на юг, главным образом, через Крым. Возможно, в связи с этим представление о русах в IX в. как у византийцев, так и у арабов тесно связывалось с представлением о Крыме. Основываясь на литературных данных, в частности на греческой литературе («Житие Стефана Сурожского», «Житие Георгия Амастридского»), советский историк А. Н. Насонов предполагает, что уже в первой половине IX в., и может быть ранее, существовали русы, осевшие в Крыму. Об этом свидетельствует отраженный в летописи крымский поход новгородского князя Бравлина, захватившего на рубеже VIII—IX вв. все побережье от Корсуня до Корчева, на котором расположены упомянутые выше поселения. О том же говорят и походы Руси в конце второй половины IX в. на малоазийское побережье Черного моря — от Пропонтиды до Синопа.

На рубеже IX—X вв. усилилась мощь Русского государства. На исторической сцене появились печенеги. Под их давлением Хазария ослабла.

Приутихло в это время и арабское наступление на Византию. Воспользовавшись этим обстоятельством, она в первой половине X в. начинает борьбу с Хазарией за Крым. Русские же дружины, продвигаясь по Днепру и Дону на юг, к берегам Черного моря, сталкиваются с Византией и в течение всего X в. — при Игоре, Святославе и Владимире — ведут с ней борьбу.

Для того, чтобы прочно осесть на берегах Черного моря, древнерусскому государству нужно было освоить и закрепить за собой южные степи, искони являвшиеся ареной вторжения кочевых орд из Азии. Славяне заселяли их с большим трудом. Кочевники во время своих набегов разоряли города и села, убивали жителей, уводили их в плен и продавали в рабство. По словам византийского писателя Феофилакта Болгарского, «их набег — удар молнии, их отступление тяжело от множества добычи, легко от быстроты бега. Нападая, они всегда опережают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать».

В конце IX и начале X в. обширные степные пространства — от Дона до Дуная, в том числе и степи Крыма, — захватили печенеги. Продвигаясь на запад, они уничтожали многочисленные салтово-

маяцкие поселения на Дону и Донце. Не избегли этой участи и поселения восточного Крыма. Жизнь в них опять прекратилась.

Однако в 944 г., во время похода князя Игоря на Константинополь, печенеги стали союзниками русских. Грозная опасность побудила Византию заключить с Игорем мирный договор, один из пунктов которого обязывал русского князя не пускать подвластных хазарам «черных болгар» воевать «курсунскую страну» («черные болгары» жили между Доном и устьем Кубани).

Можно предполагать, что в начале 60-х годов X в. хазары пытались восстановить свою власть в Крыму. Пользуясь тем, что Византия была занята тяжелой войной на Востоке, они снова вторглись в Крым. По-видимому, во время этого вторжения жизнь во многих поселениях восточного Крыма опять замерла, а жители их ушли в горы или через пролив на Таманский полуостров, где несколько позднее возникло Тмутараканское княжество. Через это княжество проходил теперь русский торговый путь в «греки»; оно являлось важным форпостом древнерусского государства.

„РОДИНА РУССКИХ“

Византиец Лев Диакон в рассказе об отступлении князя Игоря после его неудачного похода на Византию в 941 г. говорит о Боспоре Киммерийском как о «родине русских». Он же пишет также, что византийский император принимал меры, чтобы не дать войскам Святослава уйти «в свое отечество — Боспор Киммерийский».

Таким образом, письменный источник подтверждает, что в X в. в Тмутаракани имелось русское население, управляемое русскими князьями. Границы Тмутараканского княжества точно не определены, но ясно, что оно занимало Таманский полуостров и часть Керченского. Столицей княжества был город Тмутаракань, или Матарха (так назывался он в византийских источниках).

В «Повести временных лет» упоминается, что Тмутараканское княжество в 988 г. было политически самостоятельным государством. Еще Святослав, понимая значение этого края для связи удобными водными путями с Востоком, разгромил хазарскую крепость Саркел, укрепленный пункт Тамань и открыл этим путь русской торговле. Окончательно закрепил за русскими Тмутараканское княжество князь Владимир. Населяли его в основном касоги, ясы и другие народности. Часть их служила в дружинах русских князей.

В 1061—1067 и в 1073—1074 гг. в Тмутаракани проживал летописец Никон. Он рассказывает о политических событиях, происходивших как в самом княжестве, так и в Северном Причерноморье.

¹ Раздел написан В. П. Бабенчиковым.

После взятия Херсона — Корсуня в 988 г. князь Владимир включил Тмутараканское княжество в состав Киевского государства и посадил на его престол своего сына Мстислава, известного под именем Мстислава Храброго.

В 1024 г. князь Мстислав стал владельцем черниговских земель, чем было положено начало тесной связи Тмутараканского княжества с Черниговом. С 1054 г. (после смерти князя Ярослава) вследствие развития на Руси феодальных отношений и стремления князей к политической обособленности, Тмутаракань переходила из рук в руки. Сепаратистские стремления князей были наруку Византии, которая видела в Тмутараканском княжестве опасного конкурента на Черном море и умело пользовалась княжеской междоусобицей.

Иногда Византия искала помощи у Руси и для подавления непокорных ей крымских городов. Так, в 1073—1074 гг. обитатели Херсона и Сугдеи, не добившись требуемых ими от императора привилегий в торговле, восстали против власти представителей Константинополя. Византийский император сумел договориться с русскими князьями Владимиром и Глебом, и они во главе своих дружин выступили против этих городов. По-видимому, постоянное вмешательство Руси в крымские дела являлось в те времена вполне обычным и было обусловлено важными экономическими и политическими обстоятельствами. Если главным военно-политическим оплотом Византии в Северном Причерноморье в XI в. оставался Херсон, то восточная часть полуострова уже вошла в состав русского Тмутараканского княжества, расположенного по обоим берегам Керченского пролива — на большом торговом пути из Европы на Восток.

Русские купцы вели тогда значительную торговлю с крымскими городами, особенно с богатой Сугдеей, куда они сбывали свои товары (главным образом пушнину) и где могли покупать заморские изделия и предметы роскоши. Некоторые советские ученые, основываясь на ряде арабских исторических источников, высказывают мнение, что в то время в городах восточного Крыма — Солхате, Сугдее и других, а также во владениях Тмутараканского княжества проживало значительное число «русичей». А крымские купцы — греки, итальянцы, армяне — возили свои товары на Русь.

Вещественных памятников, относящихся к Тмутараканскому княжеству, пока известно мало. Среди них особый интерес представляет так называемый тмутараканский камень — плита с надписью, в которой упоминается русский князь Глеб; надпись эта гласит: «В лето 6576 индикта 6 [т. е. в 1068 г.] Глеб князь мерил море по льду от Тмутарокана до Корчева — 14 000 сажен»¹.

¹ Этот камень, найденный в 1792 г. около станции Таманской, дал возможность решить вопрос о местонахождении Тмутараканского княжества.

Дошли до нас и пять русских свинцовых печатей примерно 1079—1081 гг. с именем Ратибора Киевского, исполнявшего до 1081 г. в Тмутаракани должность посадника. Одна из печатей была найдена в Киеве, две в Крыму — в Ени-Кале близ Керчи и около Севастополя, две — на Таманском полуострове. Ратибор был послан в Тмутаракань киевским князем Владимиром Ярославичем.

Арабский географ Идриси в своих записках, датированных 1159 г., называет Керченский пролив «устьем русской реки». Он упоминает также неизвестный теперь город Руска в Керченском проливе. Этот город, наряду с Матархой, фигурирует и в договорах византийских императоров с генуэзцами, заключенных в 1169 и 1192 гг.

Среди остатков Таманского городища найдены в разное время три серебряных монеты, на одной стороне которых — изображение архангела Михаила, а на другой — славянская надпись: «Господи, помози Михаилу». Монеты эти были выпущены, по-видимому, между 1084—1094 гг. при Олеге (в православном крещении Михаиле), сыне черниговского князя Святослава Ярославича, о котором в «Слове о полку Игореве» говорится, что он «мечом крамолу коваше и стрелы по земле сеяши».

Кроме того, в 1912 г. была найдена свинцовая печать Олега-Михаила и свинцовая печать его жены, знатной гречанки Феофании, «архонтесы Руси», на которой он женился, будучи в Византии.

В 1870 г. около Лысой горы в районе Таманского городища был открыт могильник XI—XII вв. Здесь обнаружены медные и золотые височные кольца киевского типа и другие вещи, более или менее характерные для славянских погребений. Предполагают, что это русский могильник Тмутараканского княжества.

Раскопки, проведенные в наше время на территории Таманского городища, расширяют сведения о Тмутараканском княжестве и его столице. К сожалению, материалы о них до сих пор почти не опубликованы. То, что известно по отдельным докладам, сообщениям и статьям, позволяет сделать вывод, что здесь был крупный город средневековой Руси.

В Корчеве, одном из городов Тмутаракани, была (и есть сейчас) церковь Иоанна Предтечи. Теперь — в современной Керчи — она находится на площади Л. Толстого. Рядом с ней, со стороны алтаря, ведутся раскопки средневековых зданий древнего Корчева. Строительные остатки разных периодов средневековья перекрывают друг друга, но все они имеют общую планировку: улицы города на этом участке были с самого начала ориентированы в соответствии с храмом и вели к нему. Храм — крестовокупольное здание; купол — на высоком барабане, который поддерживают паруса и арки на четы-

рех столбах, опирающихся на стройные мраморные колонны с византийскими капителями. Как показали раскопки недавних лет, эта церковь была воздвигнута на фундаменте более раннего храма, имевшего форму базилики. Для новой постройки, по-видимому, были использованы колонны и капители от старого здания — надпись на одной из них датируется VIII в. Внутри церкви (по времени близкой знаменитому «тмутараканскому камню» князя Глеба) на столбах предалтарной арки под штукатуркой середины XIX в. открыты фрески, стиль которых приближается к ранним произведениям великого художника XIV в. Феофана Грека, работавшего в Константинополе, Кафе, Суроже, Новгороде.

В результате раскопок исследователи склоняются к мнению, что храм был построен, если не считать предшествовавшей ему базилики, в период расцвета Тмутараканского княжества (X—XI вв.); роспись же, фрагменты которой мы видим, могла быть исполнена позднее, когда на месте Корчева появилась генуэзская крепость Воспоро (искаженное от Веспора).

Тмутараканское княжество, вероятно, дожило до начала XIII в. — до втор-

Храм в Корчеве.

жения в русские степи татаро-монгольских орд. Точнее установить время его гибели трудно. Последнее упоминание о нем в летописи относится к 1094 г. — к той поре, когда в степях появляются половцы. Однако тмутараканские города Корчев и Матарха упоминаются и в конце XII в. (в 1169 и 1192 гг.), и позже — в договорах византийских императоров с генуэзцами.

В XII в. половцы, захватив почти весь Крым, начали вести на Черном море широкую торговлю, центром которой стал Судак. В этой торговле деятельное участие принимали и русские купцы, среди которых, возможно, были тмутараканцы.

Археологические раскопки 1964—1965 гг. в Судаке открыли остатки приморской торговой слободы Сурожа. Ниже портовой башни Астагвера обнаружены основания жилых домов XIII в. В одном из них найден на полу бронзовый крест художественной работы — рельефное распятие с фигурами ангелов и святых и надписью на древнерусском языке. Эта вещь, отлитая по одной форме с известным русским крестом из Корсуня, проливает свет на целый ряд близких ей находок в разных местах полуострова. Все они свидетельствуют о существовании русских церквей и приходов, о том, что Русь обживала восточный Крым прочно и на длительное время.

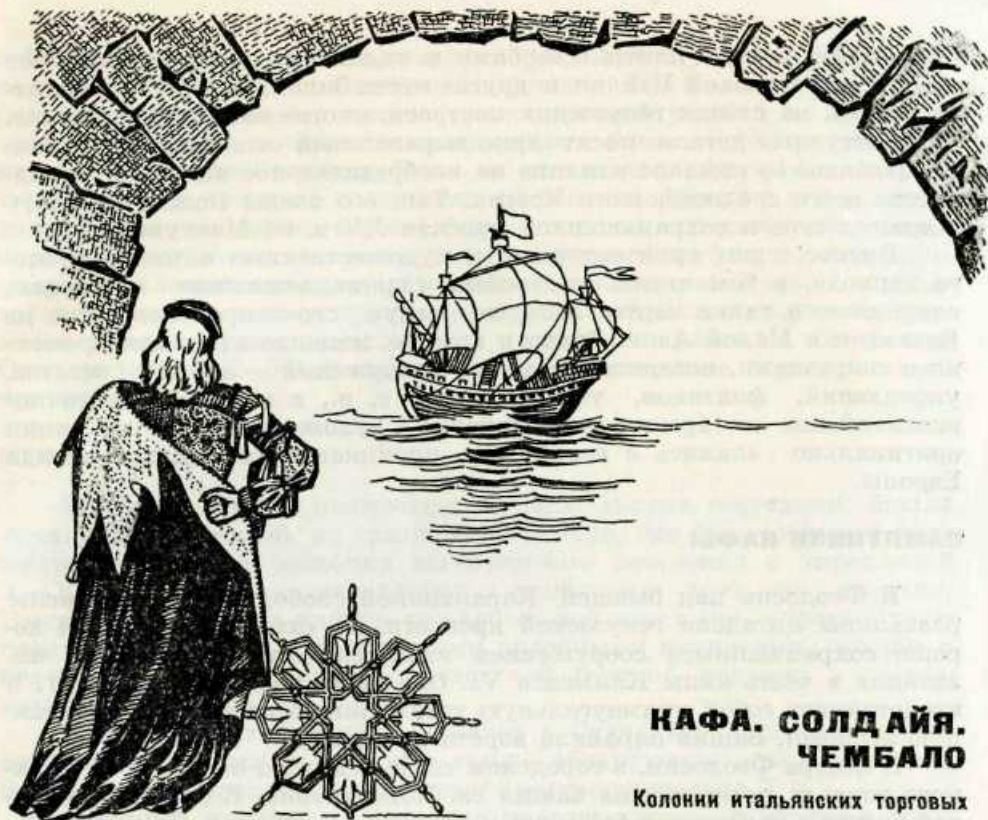
По всей вероятности, Тмутаракань перестала существовать как самостоятельное государственное образование из-за княжеских рас-

прей, значительно ослабивших как само княжество, так и Киевское государство. На существование Тмутаракани не могли не оказать сильного влияния и постоянные столкновения с врагами. Об этом сообщает русская летопись. Она рассказывает, например, что в 1079 г. тмутараканский князь Роман был убит половцами, а князь Олег схвачен хазарами и выдан Византии. В другом месте летопись повествует уже о взаимоотношениях между самими князьями: в 1094 г. Олег выступил совместно с половцами против киевского князя Владимира Мономаха.

Есть основания предполагать, что Тмутараканское княжество погибло в начале XIII в., когда на Северное Причерноморье обрушился новый враг — монголо-татарские орды. Оторванное от Руси княжество исчезло со страниц истории, точно мираж, а его земли в восточном Крыму сделались легкой добычей генуэзцев.

КАФА. СОЛДАЙЯ. ЧЕМБАЛО

Колонии итальянских торговых городов в средневековом Крыму

На побережье восточного Крыма между Феодосией и Алуштой сохранился целый ряд историко-археологических и архитектурных памятников, связанных с генуэзцами. Например, развалины храма Ай-Андрей возле с. Генеральского носят отпечаток романского стиля XII—XIII вв. Ниже храма на продолговатом и плоском вспаханном холме имеются остатки поселения, где найдено много осколков итальянской фаянсовой посуды того же времени и привозной с далекого Востока (китайского селадона, иранской керамики). Все это предметы торговли Кафы в XIII—XV вв.

Архитектура генуэзских построек в Крыму переносит посетителя этих мест в эпоху итальянского Возрождения. Башни и замки, ворота, мосты и рвы, зубчатые стены с

бойницами, резные плиты с гербами и надписями живо напоминают север средневековой Италии и другие места Западной Европы. Остатки фресок на стенах генуэзских построек, многие каменные рельефы, архитектурные детали носят ярко выраженный отпечаток ренессанса, оказавшего немалое влияние на изобразительное искусство и зодчество всего средневекового Крыма. Так, его следы можно заметить в архитектуре и сохранившихся фресках XV в. на Мангупе.

Вместе с тем архитектурные и художественные памятники этого периода, в том числе постройки, принадлежавшие генуэзцам, сохраняют и такие черты, которые ведут свое происхождение из Византии и Малой Азии. Греки и армяне, жившие здесь одновременно с генуэзцами, оставили немало сооружений — храмов, мостов, укреплений, фонтанов, усыпальниц и т. п., в которых восточно-византийские и армяно-малоазийские художественные традиции оригинально слились с веяниями, проникавшими сюда с запада Европы.

ПАМЯТНИКИ КАФЫ

В Феодосии над бывшей Карантинной слободкой расположены развалины цитадели генуэзской крепости. Ее самым крупным и хорошо сохранившимся сооружением является башня Климента, названная в честь папы Климента VI. Она была построена в 1348 г. и представляет собой прямоугольную трехэтажную постройку, увенчанную зубцами. Башня охраняла ворота цитадели.

В центре Феодосии, в городском саду, недалеко от железнодорожного вокзала расположена башня св. Константина. В этой двухэтажной башне с навесными бойницами помещался арсенал. Она являлась узлом обороны Кафы.

Высота оборонительных стен, опоясывавших город, достигала 12 м, а толщина — до 2,5 м. Они были укреплены 26-ю мощными башнями. Остатки стен и башен встречаются почти на всей территории нынешней Феодосии.

В районе б. Карантина находятся средневековые христианские храмы, возведенные во времена господства генуэзцев: церковь Стефана с хорошо сохранившимися фресками XIV в., Георгия и Иоанна Богослова. Особого внимания заслуживает армянская церковь Иоанна Предтечи, построенная в середине XIV в. Она известна своими рельефами с изображениями евангельских персонажей. Портал церкви украшен мастерской резьбой по камню.

В старой части города, которая сохранила средневековую планировку улиц, разбросано несколько культовых зданий времен генуэзцев. Это греческие церкви: Введения во храм (на углу ул. Чапаевской и Красноармейской), Николая (на пересечении ул. Вити Коробкова

и Циолковского), а также армянские: Сергия (на углу ул. Тимирязева и Айвазовского), Архангелов Михаила и Гавриила (на ул. Тимирязева). Церковь Сергия отличается интересной резьбой по камню и орнаментальными вставками на лицевом и боковых фасадах. Недавно при реставрационных работах на ее сводах открыты под штукатуркой XIX в. три слоя средневековой росписи. Рядом с ней (неподалеку от могилы Айвазовского) отдельно стоит средневековая колокольня, построенная в стиле армяно-малоазийской архитектуры и покрытая сложным и красивым резным орнаментом. Церковь Архангелов интересна своими простыми и мощными архитектурными формами, которые умело сочетаются с изящными резными деталями. Она представляет собой выдающееся произведение средневековой архитектуры.

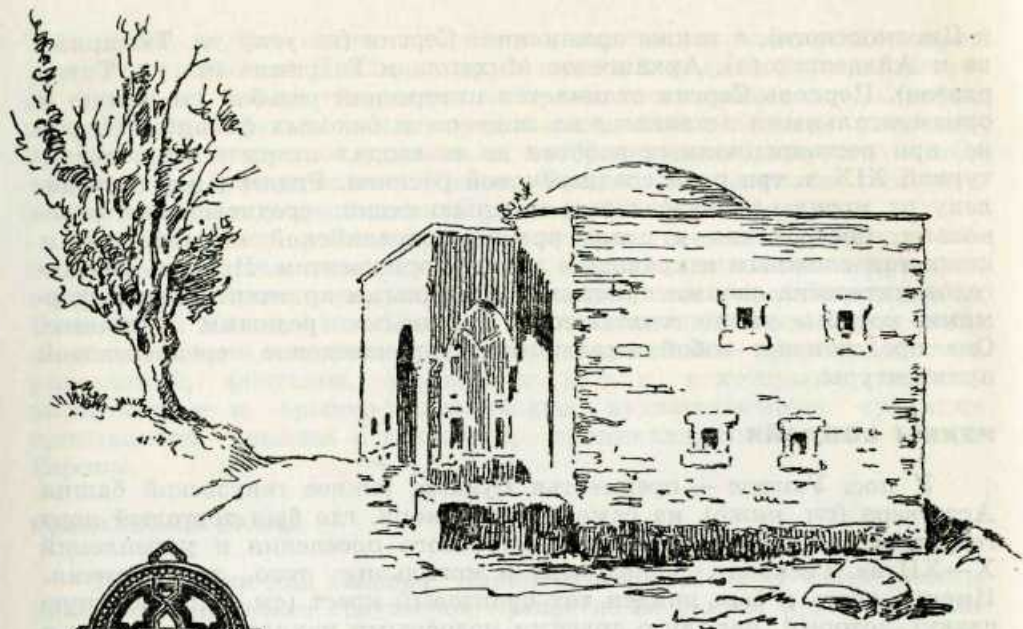
РУИНЫ СОЛДАЙ

У пос. Уютное — предместья Судака, южнее генуэзской башни Астагвера (см. ниже), на самом берегу моря, где был торговый порт генуэзцев, ведутся раскопки догенуэзского поселения и укреплений X—XII вв. Раскопан неподалеку и могильник того же времени. Именно здесь и был найден тот бронзовый крест (см. предыдущую главу), который, наряду с другими подобными находками, говорит о реальном существовании средневековой русской колонии в восточном Крыму.

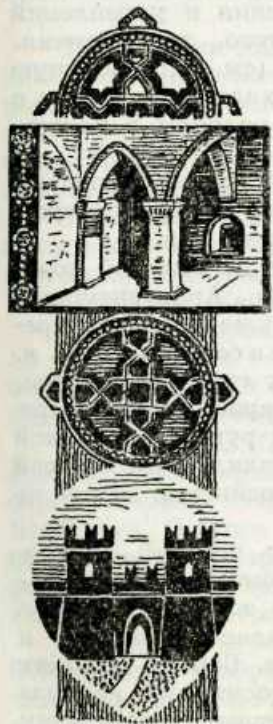
В период реставрационных работ в Судакской крепости под генуэзскими стенами и башнями также обнаружены основания предшествовавших крепостных построек предположительно X в.

Всемирно известная Судакская крепость стоит на высокой конусообразной горе между Судаком и пос. Уютное. Архитектурный ансамбль ее построек гармонически связан с окружающей эту крепость дикой и суровой природой. Не случайно еще в середине XIX в. Дюбуа де Монпере, побывавший почти во всех странах Европы, писал: «Нельзя себе представить руин более прекрасных, величественных и вместе с тем меланхолических, нежели руины Судакской крепости». Русский историк М. П. Погодин заявлял, что во всей Европе «нет развалин живописнее этих, никакие рейнские замки не сравнятся с ними».

Территория крепости делится на два яруса: нижний, ограниченный рвом и наружными стенами с боевыми башнями, и верхний — цитадель. Вход в крепость — через единственные ворота, северные. Хорошо сохранились пазы, по которым поднималась решетка, и следы устройства для подъемного моста через ров. Ворота крепости прикрываются двумя полубашнями. Западная носит имя консула Якобо Торселло; восточная называется башней Бернабо ди Франки

„Капелла“ в Судакской крепости.

ди Пагано. Башни поставлены под углом друг к другу, чтобы можно было вести перекрестный обстрел на всем внутреннем пространстве предмостного укрепления.

Стены крепости и башни сложены из местного серого известняка и песчаника. Высота стен здесь несколько меньше, чем в Кафе — 6—8 м. Почти все башни трехстенные, открытые внутри. Они были теснее связаны с системой обороны города, чем замкнутые четырехстенные.

Из целого ряда памятников в пределах крепости привлекают внимание две «цистерны» — подвальные помещения, перекрытые коробовым сводом. В стенах цистерн заметны круглые отверстия — это выходы гончарных водопроводных труб. Назначение этих сооружений до сих пор не выяснено. Неясно, резервуары ли это для хранения запаса воды

на случай осады крепости или складские помещения. Некоторые исследователи предполагают, что это подвалы, в которых держали предназначенных на продажу рабов, а гончарные трубы служили для затопления их вместе с людьми в случае бунта или военной опасности.

Другое, не менее интересное, сооружение находится с восточной стороны цитадели, у ее подножия. К нему ведет широкая дорога от ворот. Это здание, перекрытое низким куполом, иногда называют мечетью, иногда капеллой¹. В его стенах прослеживаются местами четыре разновременных кладки — следы ремонтов и перестроек. На первоначальной штукатурке внутри здания открыта недавно фреска, изображающая святого Николая, покровителя моряков. Нарисованный тут же герб с изображением крепостных башен почти совпадает с одним из двух гербов на мраморном внутреннем портале южного входа, скромного снаружи и украшенного пышной резьбой изнутри. Позднее он был застроен михрабом (молитвенной нишей) турецкой мечети. На портале — надпись на латинском языке с гербами более выпуклыми, чем рельефный орнамент, что говорит об одновременности портала с его резьбой и надписи, которая указывает время возведения этого сооружения и имя консула, его строителя. Отсюда есть основания предполагать, что первоначальное назначение постройки не культовое. Судя по всему, она могла служить консульской залой — присутственным местом, подобным Грановитой палате московского Кремля или Синьории в Генуе. После генуэзцев здание не раз переделывалось и служило то христианской церковью, то мусульманской мечетью.

Цитадель, или Консульский замок, — резиденция консула Солдайи — обнесена мощными стенами с двумя большими прямоугольными башнями. На самой вершине стоит дозорная башня Кыз-Куле. В ясную погоду отсюда видны силуэты Аю-Дага, Ай-Петри.

Крепость в Судаке, выдающийся памятник итальянской средневековой архитектуры, сохранилась лучше всех генуэзских сооружений Крыма. Генуэзцы воздвигли ее на огромном стапятидесятиметровом утесе, который круто обрывается с южной стороны прямо в море и относительно полого опускается к северу. Об этапах строительства крепости можно судить по высеченным на оборонительных башнях витиеватым латинским надписям, сообщающим, в каком году, в правление какого «достопочтенного консула и коменданта Солдайи» была построена та или иная башня.

Самая ранняя из обнаруженных надписей относится к 1371 г., а наиболее поздняя — к 1469 г. Но ряд письменных источников и упомянутые выше археологические открытия говорят о том, что

¹ Приводимые данные об этой постройке взяты из неопубликованных исследований Крымского отдела Института археологии АН УССР.

генуэзцы в Солдае вели крепостное строительство отнюдь не на голлом месте и что оборонительные сооружения существовали здесь задолго до появления генуэзцев.

КАК ВОЗНИКЛИ КОЛОНИИ ГЕНУЭЗЦЕВ В КРЫМУ

В середине XIII в. произошли существенные изменения в международной торговле. До этого важнейшие торговые пути, связывавшие страны Западной Европы с Востоком, проходили через портовые города Сирии и Палестины (где еще с конца XI в. в результате крестовых походов утвердились западноевропейские рыцари) и через гавани Египта. Во второй половине XIII в. крестоносцы потеряли свои владения в восточной части Средиземного моря. Торговые пути частично переместились к берегам Азовского и Черного морей. Вот тогда-то и появились в Крыму венецианские и генуэзские колонии.

В сочинении флорентийца Пеголотти (первая половина XIV в.) подробно описывается сухопутный путь от устья Дона до Китая. Он шел из Таны (Азова) через Астрахань, Сарай на Волге и далее в Среднюю Азию и Китай. К. Маркс в «Хронологических выписках» указывает, что «около 1340 г. в Италии знали точно все путевые станции от Азова до Китая».

В крымских портах разгружались суда с товарами из Передней Азии, Египта, Византии, стран Западной Европы и караваны из Золотой Орды, Средней Азии и Китая. Одновременно Крым являлся связующим звеном в экономических и политических отношениях Византии и славянских государств Балкан с русскими землями. Поэтому не случайно Крымский полуостров становится объектом агрессивных устремлений не только монголо-татар, но и двух конкурентов — Венеции и Генуи, крупнейших итальянских торговых республик, которые на протяжении многих лет с переменным успехом вели непримиримую борьбу с Византией за черноморские торговые пути и рынки.

Первое время перевес имели венецианцы. Четвертый крестовый поход (1202—1204 гг.), в организации которого огромную роль сыграло богатое купечество Республики св. Марка (так называлась Венеция в средние века), привел к разгрому Византии и захвату крестоносцами Константинополя. Значительная часть столицы империи и ее предместья, лежавшие на путях из Средиземного в Черное море, оказались в руках венецианцев. Их корабли получили возможность свободно плавать по Черному морю.

Итальянские источники говорят о торговле венецианцев в Крыму (в Солдае — Судаке) уже в первые годы после четвертого крестового похода (1206 г.). Из сочинения знаменитого путешественника

Марко Поло (вторая половина XIII в.) видно, что Солдаея была хорошо знакома венецианцам и часто посещалась ими.

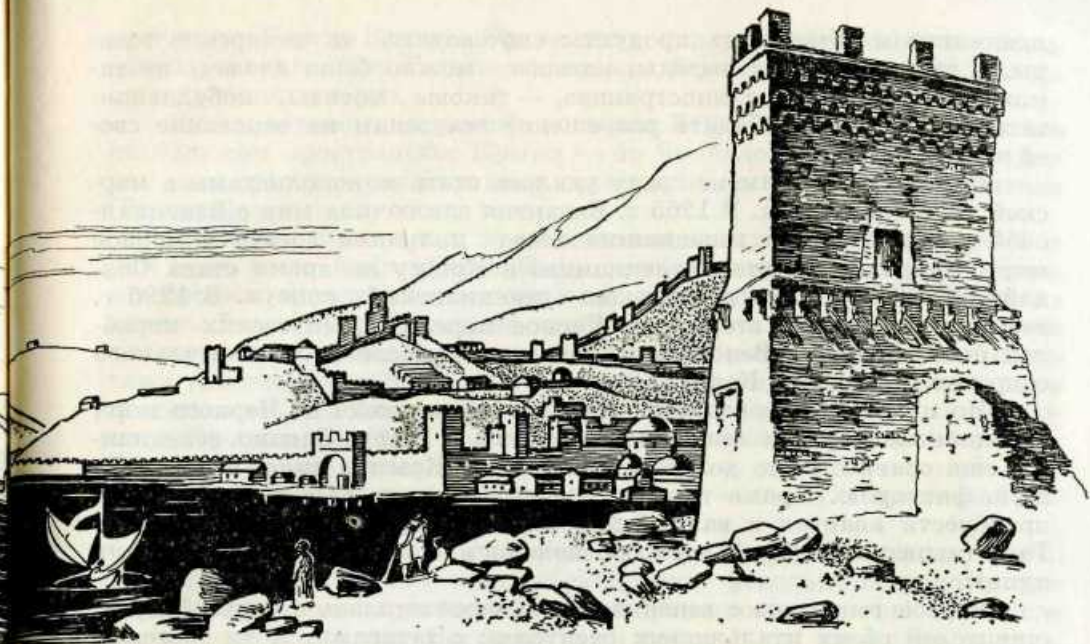
Но если Венеция сумела извлечь для себя большие выгоды из четвертого крестового похода, то главный ее враг и торговый соперник — Генуя — понес от разгрома Византии большой урон: венецианцы добились изгнания генуэзских купцов из всех захваченных крестоносцами земель. Поэтому Генуя пошла на сближение с врагом Венеции — Никейской империей (греческим государством в Малой Азии), ставшей центром сопротивления византийцев крестоносцам.

В марте 1261 г. между никейским императором Михаилом Палеологом и генуэзцами был заключен договор, по которому провозглашался вечный мир между Византией и Генуей. В случае возвращения Константинополя под власть греков генуэзцам представлялось исключительное право плавания и торговли на Черном море. В июле 1261 г. войска Михаила Палеолога овладели Константинополем. Это событие явилось тяжелым ударом для Венеции. Венецианский квартал в столице Византии был сожжен, а территория его передана генуэзцам. С этого момента и начинается генуэзская колонизация Северного Причерноморья.

В распоряжении исследователей истории генуэзских колоний в Причерноморье имеется ряд письменных источников. Прежде всего следует назвать уставы генуэзских колоний на Черном море, составленные в Генуе в 1290, 1316, 1449 гг., а также архив Банка св. Георгия, который содержит богатейшие, до сих пор еще полностью не изученные документы, освещающие жизнь генуэзских колоний в последний период их существования.

Важным источником по ранней истории генуэзских колоний Причерноморья являются нотариальные акты, составленные в Кафе, Солдае и Константинополе в конце XIII в. Интересные сведения по истории генуэзских колоний в Крыму можно почерпнуть из описаний арабских, персидских и западноевропейских путешественников, побывавших в Кафе и Солдае в XIII—XV вв. Много ценных сведений дают византийские и русские источники. Известный интерес для историка представляют эпиграфические материалы — надписи, высеченные на каменных плитах в стенах башен генуэзских крепостей, и сами остатки этих крепостей, сохранившиеся в Феодосии, Судаке, Балаклаве и других местах.

История генуэзских колоний в Черноморье уже давно привлекала внимание как русских (Н. Мурзакевич, В. Юргевич, Ф. Брун, М. Ковалевский, Л. Колли, А. Бертье-Делагард), так и иностранных историков (Одерико, Серра, Канале, Примодде, Гейд, Братиану и др.). Дореволюционная наука накопила большой фактический материал, выяснила вопросы, связанные с пребыванием генуэзцев в Крыму, в частности взаимоотношения их с крымскими татарами

Кафа в XV в.

и т. д. Однако буржуазная историография, как правило, преувеличивала роль и место генуэзцев в истории Крыма, часто изображая полуостров до появления на нем генуэзцев, как дикий край, где бродили лишь орды кочевников, и якобы только генуэзцы создали тут цветущие торговые города и поселения.

Многие буржуазные историки непомерно идеализировали генуэзцев, рисуя их создателями высокой культуры, носителями справедливости, неподкупными защитниками права и т. д. Внимание сосредоточивалось на внешнеполитической истории генуэзских колоний и истории их административного устройства. Социальные же отношения, господствовавшие в колониях, оставались чаще всего вне поля зрения.

Советские историки (Е. Ч. Скржинская, Е. С. Зевакин, Ю. А. Пенчко, М. К. Старокадомская, И. А. Гольдшмидт, А. В. Чиперис и др.), руководствуясь марксистско-ленинской методологией, подвергли научной критике концепцию буржуазных историков. Тщательно изучены, по-новому поставлены и разрешены

многие вопросы, связанные с историей итальянских колоний в Крыму. Наряду с изучением письменных источников, советские ученые провели известную работу по исследованию археологических памятников того периода. В частности, много сделала для изучения и публикации латинских надписей на стенах генуэзских башен Е. Ч. Скржинская.

Немаловажный вклад в разработку истории генуэзских колоний в Северном Причерноморье вносят историки стран социалистического содружества. Интересным исследованием, освещающим международные отношения в Причерноморье во второй половине XV в., является труд польского ученого Мариана Маловиста.

Точно установить время основания в Крыму генуэзских колоний пока не удалось. Не сохранилось ни одного документа, указывающего, как и когда генуэзцы овладели Кафой.

Первое известие о генуэзской колонии в Кафе относится к 1289 г. К этому времени принадлежат дошедшие до нас нотариальные акты Кафы. В 1290 г. был принят первый Устав Кафы. Это говорит о том, что к концу XIII в. генуэзцы сделали Кафу своим главным опорным пунктом в Крыму. Они не могли получить ее без содействия со стороны татар, к тому времени ставших уже хозяевами большей части полуострова. Возможность сбывать захваченных во время войн

пленников и обменивать продукты скотоводства на заморские товары, а также большие выгоды, которые можно было извлечь из таможенных пошлин с иностранцев, — таковы мотивы, побудившие татарских правителей дать разрешение генуэзцам на основании своей колонии.

Однако генуэзцам не сразу удалось стать монополистами в морской торговле Крыма. В 1265 г. Византия заключила мир с Венецианской республикой, и венецианцы снова получили доступ в Черное море. Опорным пунктом венецианцев в Крыму на время стала Солдайя. В 1287 г. здесь даже сидел венецианский консул. В 1296 г. венецианский флот вторгся в Черное море. Ряд генуэзских кораблей был захвачен. Венецианцы осадили и после продолжительного сопротивления взяли Кафу.

Но их торжество было временным. После ухода из Черного моря венецианского флота генуэзцы вернулись в Кафу. Однако венецианцы еще сравнительно долго оставались в Крыму, имея в Солдайе свою факторию. Кроме того, в первой половине XIV в. им удалось приобрести квартал в важнейшем торговом пункте в устье Дона, в Тане (нынешний Азов), где обосновались в это время и генуэзские купцы.

Борьба генуэзцев с венецианцами переплеталась с борьбой представителей обеих итальянских республик с татарами. Хотя торговля с Генуей и Венецией приносила татарской феодальной знати немалые выгоды, взаимоотношения между татарами и итальянцами отнюдь не всегда отличались мирным характером. Богатства приморских городов Крыма привлекали жадные взоры кочевников. В XIV в. Кафа несколько раз подвергалась нападению со стороны татарского войска. Татары осаждали Кафу в 1308, 1344—1347 гг.

Во время одного из таких нападений генуэзцы вынуждены были покинуть город и вернулись в него лишь несколько лет спустя.

Во второй половине XIV в., воспользовавшись раздорами в Золотой Орде, генуэзцы значительно расширяют свои владения в Крыму. В 1357 г. они захватили Чембало (совр. Балаклава), а в 1365 г. овладели Солдайей (она же — Сурож), крупным торговым городом Крыма, который поддерживал тесные связи с русскими землями, в частности с великим княжеством Московским. Вместе с Солдайей генуэзцы захватили и большой сельский округ, в состав которого входило 18 деревень. Эта территория составила Солдайское консульство. В административном отношении оно подчинялось Кафе. Несколько позже, в 1381 г., генуэзцы по договору с татарами, заключенному после разгрома русскими татарских полчищ Мамай на Куликовом поле (что значительно ослабило Золотую Орду и заставило ее правителей быть более уступчивыми по отношению к генуэзцам), окончательно закрепили за собой 18 деревень Солдайского консульства на юго-

восточном берегу Крыма. Кроме того, они учредили еще так называемое «капитанство Готию» на южном берегу, о котором говорилось в предыдущих главах.

Таким образом, во второй половине XIV в. генуэзцы утвердились на большом пространстве Крыма — от Чембало до Кафы. Впоследствии они распространили свою власть и до Керченского пролива (Боспора).

Главным торговым и политическим центром генуэзцев на Черном море была Кафа. Через Кафу шла транзитная торговля товарами Востока и товарами, которые доставлялись в Крым из русских земель. Большую роль играла торговля сырьем и продуктами самого полуострова и прилегающих к нему территорий. Основными предметами генуэзского вывоза из Крыма были рыба, соль, невыделанные шкуры, воск, а также икра и хлеб из Прикубанья. Генуэзская торговля с Крымом носила, как правило, неэквивалентный характер. Генуэзцы устанавливали максимально низкие цены на местные продукты и сырье, а привозимые ими товары — ткани и предметы роскоши — старались сбывать втридорога.

Важной статьёй генуэзского вывоза из Крыма были рабы. Известно, что в средние века рабский труд довольно широко применялся в домашнем хозяйстве феодалов и купцов и частично в ремесле и сельском хозяйстве. Поставщиками рабов были крымские татары. Развивая работоторговлю и превращая Кафу в крупнейший невольничий рынок на Черном море, генуэзцы стимулировали разбойничьи походы татар на украинские, русские и польские земли, на Кавказ и таким образом содействовали опустошению этих областей кочевниками.

Анализ нотариальных актов Кафы свидетельствует о том, что уже с конца XIII в. Кафа являлась не только крупным торговым городом, но и ремесленным центром Крыма. Ведущее место в ремесле занимало судостроение, которое в средние века объединяло целый ряд ремесел. Здесь работали кузнецы, плотники, конопатчики, ткачи, лудильщики, батиболины (ремесленники, изготавливавшие металлические части кораблей).

В Кафе можно было встретить скорняков, выделывавших меха на экспорт, кожевников, гончаров, мясников, булочников, сапожников, которые обслуживали горожан и окрестное население.

Генуэзские власти жестоко эксплуатировали ремесленное население: они облагали высокими налогами мастерские и захватывали в свои руки сбыт изделий. В отдельных ремеслах (например, в судостроении) были признаки цеховой организации.

Среди ремесленников Кафы происходил процесс социального расслоения. Документы отмечают наличие хозяев мастерских и их наемных работников.

Этнический состав населения генуэзских колоний в Крыму отличался большой пестротой. Здесь проживали армяне, греки, татары, сарацины (арабы), сирийцы, венгры, евреи, болгары, румыны. Генуэзские источники, относящиеся к 1316 г., упоминают русские церкви в Кафе. Следовательно, и русские люди составляли часть постоянного населения города.

Интересно отметить, что знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин в 1472 г. возвращался из Индии на родину через Кафу.

Пребывание русских «гостей» (купцов) в генуэзских колониях, в частности в Кафе и Солдае, прослеживается вплоть до захвата Крыма турками. Однако в беспокойной обстановке того времени жизнь и имущество торговых «гостей» подвергались большой опасности. Известно, например, что в наставлении московскому послу, направлявшемуся в Крым в марте 1474 г., содержалось предписание вступить за русских купцов в Кафе, имущество которых было конфисковано генуэзскими властями в качестве возмещения за нападение казаков на генуэзских купцов где-то по дороге в русские земли.

Спустя год, в марте 1475 г., посол вынужден был поднять перед генуэзской администрацией вопрос об ограблении и убийстве русских купцов.

ПОД ВЛАСТЬЮ ФЕОДАЛОВ-ИНОЗЕМЦЕВ

Выходцы из Генуи были лишь тонкой прослойкой среди многонационального населения крымских городов. В 1475 г. в Кафе на 70 тысяч жителей насчитывалось только около тысячи генуэзцев. Еще меньше их было в Солдае и Чембало.

Термин «генуэзец» со временем приобрел не только этнический, но и определенный социальный смысл. Сначала все лица, принадлежавшие к правящей верхушке города, были генуэзцами. Являясь ничтожным меньшинством среди жителей крымских средневековых городов, они составляли наиболее привилегированную часть населения и освобождались от уплаты налогов и сборов. В руках иноземцев находилась вся политическая власть, и только граждане Генуи могли занимать высшие административные должности в Кафе, Солдае и других генуэзских колониях. Однако это правило не распространялось на наемных солдат, матросов и слуг итальянского происхождения, место которых на нижних ступенях общественной лестницы было определено раз и навсегда.

Все коренное население генуэзских колоний Крыма в свою очередь разделялось на две основные социальные категории: «граждан» (средний зажиточный слой городского населения) и так называемых

«жителей». Последние составляли в населении Кафы и Солдаи наиболее бедный и эксплуатируемый плебейский элемент; первые же сосредоточили в своих руках значительную часть ремесла и торговли. Их собственность охранялась генуэзскими законами.

В начале XIV в. «граждане» получают доступ в местные административные органы, а в конце его они занимают уже половину мест в различных городских советах и комитетах Кафы. В XV в. наиболее состоятельные «жители» поднимаются до уровня «граждан» и сливаются с ними в единый эксплуататорский класс. Буржуазная историография нередко рисует социальные отношения в генуэзских колониях в самых радужных красках, обходя молчаливым факты тяжелого гнета и эксплуатации неимущего и бесправного большинства населения иноземными феодалами и администрацией колоний.

Генуэзские источники говорят о напряженной классовой борьбе в приморских городах и селах Крыма. В 1433 г. вспыхнуло восстание против генуэзских властей в Чембало, которое было подавлено силой шеститысячной армии, прибывшей из Генуи.

Значительные народные движения имели место в Кафе в 1454, 1456, 1463, 1471, 1472, 1475 гг. Наиболее крупным из них было восстание 1454 г., которое проходило под лозунгом «Да здравствует народ, смерть знатым!» Основную массу восставших составляли городские низы, «маленькие люди без имени». К ним присоединились солдаты с генуэзского корабля, прибывшего в порт. Восстание носило стихийный, неорганизованный характер и было сурово подавлено генуэзскими властями. В многочисленных инструкциях, присылаемых из Генуи в Кафу, неоднократно говорилось о необходимости изымать «крикунов и сеятелей раздоров» и принимать суровые меры против «опасных людей».

В конце 1470 г. вспыхнуло народное восстание в Солдае, о котором мы узнаем из распоряжения центральных генуэзских властей консулу Кафы. В нем говорится: «Мы одобряем, что вы подавили беспорядки в Солдае. Желаем, чтобы сохранили там спокойствие и старались впредь, поскольку это зависит от Вас, не допускать возникновения подобного рода беспорядков». В восстаниях городского плебса часто активное участие принимали моряки и наемные солдаты — соции и стипендиарии.

Классовая и национальная борьба в генуэзских колониях нередко, как это бывало в средние века, облекалась в религиозные формы. Генуэзцы и часть поддерживающих их эксплуататорских элементов из числа местного населения исповедовали католическую религию, а подавляющая масса местных жителей придерживалась православия. Католическая церковь при поддержке генуэзцев пыталась распространить на православное население Крыма действие Флорентийской унии (заключена в 1439 г.), по которой православная церковь

лишалась своей самостоятельности и ставилась под власть римского папы. Местное население энергично сопротивлялось подобной политике.

Острые социальные конфликты происходили не только в городах Крыма, находившихся в руках генуэзцев. Хорошо известно, что, кроме городов, генуэзцы в конце XIV в. овладели в Крыму большим числом поселений вдоль морского побережья от Чембало до Кафы. Во второй половине XV в. генуэзские феодалы братья Гуаско захватили значительные земельные владения в пределах Солдайского консульства и прочно утвердились в деревнях Тасили и Скути (позднее — Ускут, ныне Приветное). Гуаско обложили крестьян захваченных ими деревень барщиной, взыскивали с них оброк и различные денежные налоги. Гуаско присвоили себе право высшей юрисдикции, в знак чего «установили от имени своего... виселицы в деревне Скути и позорные столбы в Тасили» и создали на подвластной им территории собственные вооруженные отряды. Следовательно, Гуаско приобрели в Крыму такие права, которые были присущи только крупным феодальным синьорам Европы.

Самовольные действия Гуаско вызвали тревогу у солдайского консула, опасавшегося, что если дело пойдет так дальше, то он лишится власти над всеми деревнями консульства. Однако попытка обуздать зарвавшихся феодалов ни к чему не привела. Конные стражники консула, посланные в Скути для того, чтобы срубить и сжечь

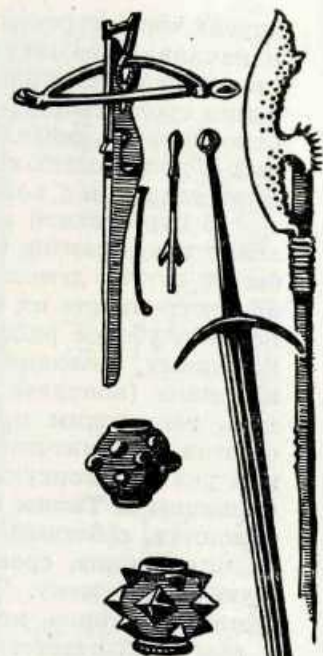
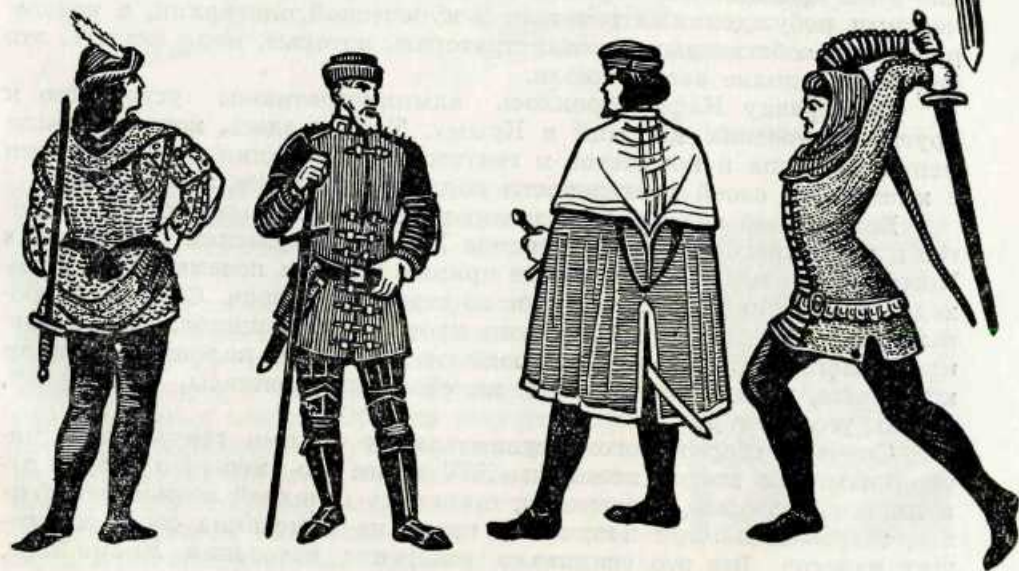

виселицы и позорные столбы, встретили вооруженное сопротивление со стороны Гуаско и вынуждены были ни с чем вернуться в Солдайю.

«Дело братьев Гуаско» свидетельствует, что генуэзцы в Крыму выступали не только в роли купцов и промышленников; они принесли сюда более изощренные и жестокие, чем сложившиеся здесь до них, феодальные методы эксплуатации местного населения.

Важно отметить, что Гуаско были не единственными феодалами-иноземцами, действовавшими в Северном Причерноморье. Известно, что в XV в. в Крыму и на Таманском полуострове существовал ряд самостоятельных феодальных владений, лишь номинально зависимых от Генуи (Гримальди, Гризольди и др.).

Наиболее подробные сведения о политическом строе генуэзских колоний в Причерноморье дает «Устав» 1449 г. Он закрепил господствующее положение Кафы среди

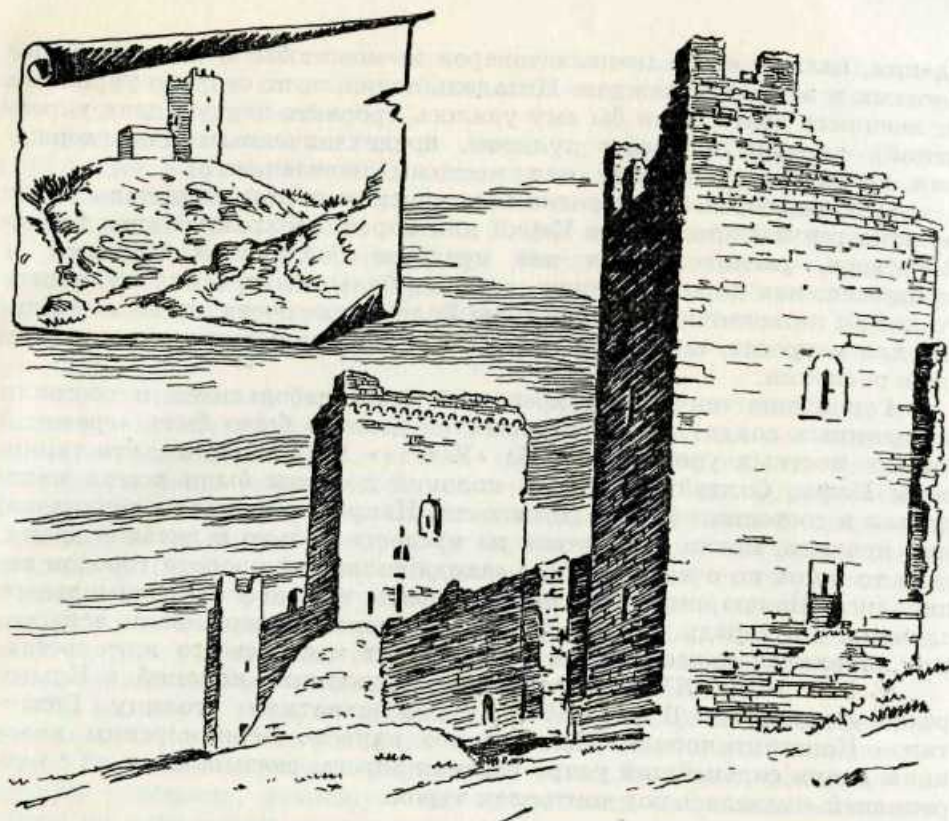
других черноморских владений Генуи. Консул Кафы именуется главою и начальником всего Черного моря. Он назначался только из генуэзских граждан правительством Генуи сроком на один год и по истечении срока своих полномочий обязан был вернуться в Геную и дать отчет о своей деятельности. При консуле Кафы состоял ряд учреждений и должностных лиц, с помощью которых консул и осуществлял свою власть над колониями Генуи в Черном море.

В буржуазной историографии распространено мнение, что управление генуэзскими колониями на Черном море было построено якобы на сугубо демократических принципах (выборность чиновников, краткосрочность их полномочий, коллегиальность управления и т. д.). Более глубокое рассмотрение системы управления говорит о другом. Во-первых, высшие администраторы и военачальники в генуэзских колониях (консулы, коменданты) никем не избирались, а назначались генуэзским правительством. Во-вторых, члены разнообразных советов и комитетов при консуле «избирались» при непосредственном участии консула очень узким кругом лиц, состоявших из тех же чиновников. Таким образом, никаких выборов должностных лиц в колониях, собственно говоря, и не производилось. Просто одна группа чиновников, срок полномочий которых истекал, назначала идущую ей на смену. Что же касается краткосрочности полномочий администраторов, коллегиальности в управлении, строгой отчетности и денежной ответственности чиновников за свои упущения, то наличие этих принципов в «Уставе» было вызвано отнюдь не демократическими побуждениями генуэзской купеческой олигархии, а недоверием ее к собственным администраторам, которые, надо сказать, это недоверие вполне заслуживали.

По образцу Кафы строилось административное устройство и других генуэзских колоний в Крыму. Только здесь, конечно, было меньше советов и комитетов и генуэзские чиновники в соответствии с масштабом своей деятельности получали меньшее жалованье.

Важнейшей задачей генуэзских властей было выкачивание налогов и различных сборов. В середине XV в. в генуэзских колониях в Крыму существовали следующие прямые налоги: поземельный, подоходный, подушная подать, налог со строений и проч. Сбор их сопровождался жестокими репрессиями против недоимщиков. Кроме прямых налогов, большое место в бюджете генуэзских колоний занимали косвенные, в частности, налоги на съестные припасы, лес, траву, зелень, уголь и т. д.

Сначала сбор налогов осуществлялся самими генуэзскими чиновниками. Со второй половины XIV в. все это перешло в руки откупщиков, которые, разумеется, старались с лихвой возместить суммы, затраченные при получении права на взывание соответствующих налогов. Все это усиливало разорение населения. Кроме того,

Судакская крепость

содержание всех генуэзских должностных лиц и строительство оборонительных сооружений было также возложено на местное население.

В период своего господства на побережье Крыма генуэзцы воздвигли в ряде пунктов полуострова крупные крепости. Остатки их можно увидеть в Феодосии, Судаке, Балаклаве и других местах. Обычно генуэзцы обносили свои фактории двумя кольцами стен: наружным, за которым находились жилые постройки, мастерские, лавки, и внутренним, образывавшим цитадель, где располагались жилище консула, административные

здания, склады особо ценных товаров и, может быть, дома наиболее богатых и знатных граждан. Цитадель служила не столько укрытием от внешнего врага (если бы ему удалось прорвать первую цепь укреплений), сколько опорным пунктом, предназначенным для удержания господства генуэзцев над местным населением.

О роли генуэзских городов как морских портов свидетельствуют остатки генуэзского мола в Керчи или хорошо сохранившаяся башня Астагвера, расположенная вне пределов Солдайской крепости и прикрывавшая дорогу к порту, а также большие строения из бутового камня на восточном склоне горы Болван, где очевидно были жилища для матросов, таверны и т. д. С 1964 г. здесь ведутся археологические раскопки.

Гарнизоны генуэзских крепостей были небольшими и состояли из наемных солдат, среди которых не должно было быть «греков и других местных уроженцев». Из «Устава» 1449 г. видно, что гарнизоны Кафы, Солдаи и других колоний должны были всегда находиться в состоянии боевой готовности. Например, солдаты гарнизона, как правило, могли отлучаться из крепости только в дневное время, да и то лишь по очереди. После захода солнца все ворота городов запирались. Ночью они могли быть открыты только в исключительных случаях. По городу ходили патрули, которые задерживали всякого, кто появлялся далее, чем за три дома от места своего жительства.

В 50-х годах XV в. положение генуэзских колоний в Крыму резко ухудшилось. В мае 1453 г. турки захватили столицу Византии — Константинополь. Падение его нанесло черноморским колониям Генуи сильнейший удар: главная дорога, связывавшая их с метрополией, оказалась под контролем турок.

НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ

Генуэзская республика, занятая другими делами, не могла оказать существенной помощи своим владениям на Черном море и поэтому поспешила продать их Банку св. Георгия. Этот банк был одним из крупнейших финансовых учреждений Италии и главным кредитором Генуэзской республики.

В XV в. в руках Банка св. Георгия сосредоточился контроль над большей частью доходов Генуэзской республики. Естественно, банк был заинтересован в судьбе черноморских колоний. Для него сделка с правительством Генуи была чрезвычайно выгодной. За сравнительно небольшую сумму хозяева банка приобрели право бессрочного и бесконтрольного распоряжения всеми генуэзскими колониями в бассейне Черного моря.

Ко времени передачи колоний Банку св. Георгия там царило тревожное настроение. Со дня на день можно было ожидать нападения

турок. «Даже нам самим неведомо, — писал дож Генуи в 1453 г., — каким образом, не имея ни войска, ни денег, защитить от турецких войск города Кафу, Чембало...».

Регулярная связь с Генуей была прервана. Оборонительные сооружения Кафы и Солдаи находились в явно неудовлетворительном состоянии. Гарнизоны крепостей были крайне незначительными. Оружия не хватало. Многие жители Кафы стали покидать город.

В июле 1454 г. у берегов Кафы появилась турецкая эскадра. Турки установили контакт с крымским ханом Хаджи-Гиреем и ограбили несколько пунктов на побережье Крыма и Кавказа. Перепуганные генуэзские власти согласились уплачивать султану ежегодную дань.

Из сложившейся ситуации извлек для себя пользу и другой хищник — крымский хан, который добился получения дополнительной ежегодной дани от генуэзцев. Протекторы Банка св. Георгия вынуждены были предпринять кое-какие меры для упорядочения обороны и управления своими колониями. Они объявили широкую амнистию всем лицам, которые по тем или иным причинам были изгнаны из генуэзских колоний, местным жителям было разрешено избрать из своей среды «комитет четырех», который получил право контроля над деятельностью генуэзских чиновников. Были отпущены средства для укрепления оборонительных сооружений, посланы дополнительные партии солдат в генуэзские крепости.

Но все меры, которые принимал Банк св. Георгия для усиления обороноспособности колоний, нельзя назвать иначе, как паллиативными. Поражает скупость протекторов банка, которые, невзирая на грозную опасность, нависшую над колониями, отпускали мизерные суммы на содержание солдат, пытались экономить на запасах продовольствия и даже оружия. Однако турки не торопились с расправой. После падения Константинополя они перенесли центр тяжести своей политики на запад, сосредоточив усилия на войне с Албанией, Венгрией и Венецией.

Генуэзцы, надеясь снискать расположение султана и отвести от себя удар со стороны турок, всячески раболепствовали перед ним, снабжали турецкую армию оружием и другими товарами. Турецкий султан Мехмед II перестал чинить препятствия проходу генуэзских кораблей через проливы. Морские связи между Генуей и Крымом восстановились. Администрация колоний в своих донесениях протекторам Банка св. Георгия отмечала даже улучшение их экономического положения.

Полученную передышку генуэзцы пытались использовать для установления более тесных связей со своими соседями: крымским ханом и местным феодальным государством — княжеством Феодоро, с которым в 1471 г. заключили союз.

Генуэзцы ловко использовали и борьбу татарского хана Менгли-Гирея со своими братьями за ханский престол. Они захватили в плен братьев хана, получив, таким образом, очень важное средство постоянного давления на Менгли-Гирея.

Одновременно с попытками сблизиться со своими соседями в Крыму генуэзцы искали союзников и за его пределами, в частности в Польше и Молдавии. Но польский король Казимир IV, занятый в то время борьбой с Тевтонским орденом, а затем делами в Чехии и Венгрии, не имел ни сил, ни средств для оказания какой-либо помощи генуэзцам. Более плодотворными были переговоры с Молдавией, в результате которых был заключен союз. Однако вторжение турок в Молдавию сделало этот союз неэффективным для Генуи.

Внутреннее положение генуэзских колоний в 50—60-х годах XV в. характеризовалось крайним обострением классовых и национальных противоречий. С особой силой разгоралась борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми, имущими и неимущими слоями населения Кафы, Солдайи и других городов. Резко обострились противоречия между «генуэзскими гражданами» и «местными жителями».

В последние годы существования генуэзских колоний неизменно увеличились злоупотребления и насилия со стороны генуэзских чиновников. Доносами друг на друга, взаимными обвинениями во взяточничестве и насилии заполнены письма должностных лиц Кафы к протекторам Банка св. Георгия. В 70-х годах с новой силой вспыхнула борьба между генуэзцами и татарами. Влиятельная часть татарской феодальной знати подняла мятеж против хана Менгли-Гирея, находившегося в дружественных отношениях с генуэзцами. Хан вынужден был искать убежища в Кафе. Мятежные татарские феодалы обратились за помощью к турецкому султану.

В апреле 1475 г. турки заключили перемирие с Венецией. Это дало им возможность высвободить значительные силы для нанесения решающего удара по генуэзским колониям в Черном море. 31 мая 1475 г. недалеко от Кафы высадился крупный турецкий десант. Турок поддержали татары. 1 июня началась осада Кафы, а 6 июня генуэзцы капитулировали, понадеявшись на обещание турок сохранить жизнь и имущество всем жителям Кафы. Однако турки своего обещания не выполнили. 7 июня они обезоружили все население. В течение 8 и 9 июня были схвачены и ограблены иностранцы. Часть их убили. Пострадали и русские купцы. «Того же лета 6983 [т. е. 1475 г.], — говорится в русской летописи, — туркове взяша Кафу, гостей московских много побиша, а иных поимаша, а иных, пограбив, на окуп даваша».

9 и 10 июня была проведена перепись населения Кафы и взято на учет все имущество. 12 и 13 июня турки отняли у жителей значи-

тельное число детей в возрасте от семи лет и старше. 17 июня всем итальянцам было приказано передать турецким властям половину своего имущества, а еще через некоторое время турки погрузили генуэзских граждан на корабли и отправили их в рабство в Константинополь. Вслед за Кафой пали Солдайя, Чембало и другие крепости генуэзцев в Крыму.

В результате турецкой агрессии произошло значительное перемещение торговых путей, связывавших страны Востока с Западной Европой. К концу XV в. основной поток восточных товаров в Европу и европейских в Азию пошел через Египет. Черное море надолго потеряло свое прежнее значение важного района международной торговли.

Переходя к общей оценке роли генуэзских колоний в Крыму, необходимо отметить, что это сложный и еще недостаточно изученный вопрос. Бесспорно, Генуя в XIII—XV вв. стояла на сравнительно высокой ступени социально-экономического и культурного развития. Не надо забывать, что в XIV—XV вв. Италия переживала большой подъем духовной культуры. Несомненно также, что генуэзцы, создавая торговые центры на берегах Черного моря, способствовали развитию торговли между странами Востока и Западной Европы. Но тем не менее генуэзская колонизация Крыма носила хищнический характер.

